

УДК 332.1

А. С. Михайлов

ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ¹

5

Уточняется суть понятия «территориальная общность», присущая различным формам пространственно-сетевых взаимодействий территориальной социально-экономической системы. Классифицированы типы и виды территориальных общностей. Выявлены типы пространственных границ различных территориальных общностей: географические, организационные, когнитивные, культурные, институциональные, социальные, технологические. Дано описание их основных свойств. Определен комплекс факторов и условий, оказывающих влияние на динамику границ территориальной общности.

The study clarifies the concept of spatial networking inherent of various forms of interactions within the territorial socio-economic system of a region. The author offers a classification of spatial networks, identifies and describes types of spatial boundaries of different types of territorial communities: geographic, organizational, cognitive, cultural, institutional, social and technological. The complex of factors and conditions that influence the dynamics of the boundaries of spatial networking are defined.

Ключевые слова: территориальная общность, ТСЭС, ТОС, ТОЛ, регион, пространственно-сетевые взаимодействия, границы взаимодействий.

Key words: spatial networking, regional networking, territorial community, interaction border.

Введение

Одна из главных направлений отечественной социально-экономической, или общественной, географии (см.: [2]) — изучение различных форм территориальной организации общества (ТОО), представленных в виде территориальных систем различного уровня, например, *территориальной производственной системы (ТПС)*, в основе которой лежит *территориальная структура хозяйства (ТСХ)* [5]. Усложнение частных территориальных экономических (хозяйственных), социальных, интеллектуально-духовных, политических, демографических, культурных, рекреационных, инновационных и других систем в ходе развития науч-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Эквивокальность в идентификации границ пространственно-сетевых форм взаимодействия» №16-36-00258.

ных воззрений социально-экономической географии (СЭГ), в том числе вследствие преобладания фактора «знания» над традиционными факторами производства — природными ресурсами, рабочей силой и капиталом [49], привело к концептуальной трансформации понятия *ТОО* в предельно емкую обобщенную теоретическую конструкцию — модель *территориальных общественных систем (ТОС)*, вбирающую индивидуальные формы пространственно-временной организации общества [1; 5; 21]. Как отмечает А. М. Трофимов и соавторы [21, с. 14], «*ТОС* представляют собой территориальные ячейки жизни общества, в которых все элементы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены».

6

В отечественной СЭГ понятие *ТОС* традиционно связывается с выделением однородных зон — зонированием и внутренних целостных районов — районированием территории [26—29], по аналогии с гомогенными (однородными) и когерентными (связными) регионами, принятыми в зарубежной научной практике [3]. Согласно Г. М. Фёдорову [26, с. 22], признаками однородности (то есть гомогенности) территории могут выступать такие категории, как «этнический состав населения, уровень жизни, демографические процессы и т.д.», в то время как системность внутренних связей, формирующих целостность региона, — признак когерентности. Вследствие этого актуальным видится мнение Н. М. Межевича [15], отметившего необходимость наличия совокупности признаков (этнографической, конфессиональной, экономической, политической специфики), позволяющих охарактеризовать определенную территорию в качестве некоей общности, района или региона. Таким образом, неверно отождествлять понятия территории и некоей территориальной общности (например, региона как общности мезоуровня), поскольку «территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом» [15, с. 5], *территориальной общностью (ТО)*. Территориальное единство — лишь «мнимая общность» [25, с. 133], поскольку основополагающим фактором в формировании *ТО*, а также динамических границ ее существования видится «совокупность людей, между которыми возникает определенная связь в силу однородности объективных условий их жизнедеятельности и которые оказываются носителями определенных общественных отношений» [14, с. 31].

Процессы глобализации и трансграничной регионализации, расширение сетевых форм организации хозяйственной деятельности, нелинейность и открытость инновационного процесса, расширение набора институциональных сфер (наука, бизнес, общество, власть и др.) в рамках межорганизационных взаимодействий повлияли на изменения элементного состава и структурных особенностей *ТО* различных типов. Совокупность вышеупомянутых факторов повлияла на развертывание объективных процессов расширения понятийно-терминологического аппарата (а также «наукотворчество») [15], ярко проявившихся в последние 15—20 лет в отношении разнообразия видов территориальных систем.

В работе рассматриваются типы пространственных границ территориальной общности, образуемые комплексом факторов и условий, присущих различным формам пространственно-сетевых взаимодей-

ствий. Цель работы – классификация территориальных общностей и выделение их пространственных границ на основе принципа многомерности.

Территориальная общность как объект социально-экономической географии

Предположение о том, что единство региона выражается в общности людей, находит поддержку абсолютного большинства ученых. Как отмечает Н. В. Стрелецкий [18, с. 4], в изучении *ТО* важным аспектом является не только «фактор исторического наследия», но и осознание того, что *территориальные общности людей* – категории не просто изменчивые, но развивающиеся перманентно». В связи с этим определения *ТО* зачастую ориентированы на отражение особенностей социальных отношений в рамках определенной территории и «выводятся» из более широкой категории «социальная совокупность» [31], рассматриваемой в качестве временного объединения людей с определенными социальными связями.

Впервые термин *территориальная общность людей (ТОЛ)* был сформулирован географом Л. Я. Зиманом [11] в контексте первого комплексного экономико-географического районирования США. Он отмечал значимость территориальных границ и условий географической среды в определении общности людей. Впоследствии авторы комплексных исследований в области *СЭГ*, социологии, региональной экономики² акцентировали внимание на аспектах локализации, связности (историко-культурной, социально-экономической, политико-правовой и др.) и целостности общественных институтов [7; 16; 20; 23; 25; 28; 30]. Е. Е. Горяченко [4], в свою очередь, приводит перечень понятий, зачастую принятых в качестве синонимов *ТОЛ*: «комьюнити», «первичные общности», «микрососмы общества», «местные общества», который может быть дополнен такими терминами, как «социум», «этнос», «сообщества», «территориальный коллективизм», «социальная общность» и др. (см. работу по содержательному анализу понятия «сообщество» (*community*): [56]). Однако синонимичность данных понятий относительна и даже спорна, в значительной степени зависит от авторской интерпретации. Так, например, С. И. Туров [25] характеризует *территориальную общность людей (ТОЛ)* как субъект исключительно городского образа жизни, в то время как субъектом сельского образа жизни, по его мнению, выступает *социально-территориальная общность (СТО)*. А. А. Долинин одним из первых определил *СТО* людей как «группы людей, живущих на какой-то определенной территории и объединенных отношениями и интересами, обусловленными фактом проживания и работы на данной территории» [6, с. 57], вне зависимости от уровня урбанизации.

Как правило, *ТО* рассматривается как связка двух параллелей: естественно-географической – ареал проживания людей – и социально ор-

² В том числе работы, направленные на выявление свойств, типов и закономерностей развития «местных сообществ» (*local communities*).

ганизованной, характеризуемой *системой общественных связей* [12, с. 89]. Одной из причин данного разграничения стало яркое проявление территориального разделения труда и *территориального социально-экономического поведения* [8, с. 89], в рамках которых можно было не только выделить промышленные территории, но и разграничить роли индивида — в системе производства и в системе потребления. Как было отмечено ранее, последовательность научно-исследовательского процесса в отношении пространственных форм организации общества «от производственных к социально-экономическим, а затем и к общественным системам» [22, с. 13] привела к многообразию элементов, учитываемых в рамках ТОС: люди, общественные системы, территориальные системы человеческой деятельности, социально-экономические территориальные (пространственные) системы и др. [19].

Особое внимание в современных отечественных работах СЭГ уделяется *территориальной социально-экономической системе (ТСЭС)* — подсистеме комплексных социально-пространственных образований ТОС. Г.М. Федоров и В.С. Корнеевец [27] отмечают, что в советское время термины «экономический район» и «социально-экономический район» употреблялись для наиболее широкой по содержанию ТСЭС, которое, по их мнению, является наиболее используемым понятием в современной экономической географии. Согласно М.Д. Шарыгину, «под ТСЭС понимается пространственно-временное сочетание социально-экономических элементов жизнедеятельности людей, включенное в процессы общественного воспроизводства, развивающееся как звено географического разделения и интеграции труда, услуг, информации» [29, с. 6]³. С точки зрения П.Я. Бакланова [2], с усилением значимости различного рода социальных взаимодействий в территориальных системах именно ТСЭС наиболее полно и целостно отражают включенность хозяйственных субъектов в рыночные социально-инфраструктурные и ресурсно-экологические отношения. Таким образом, концепция ТСЭС, возникшая как следствие опережающего развития социальной составляющей, в которой разделение социальной и экономической подсистем носит лишь условный характер, дополнила классическое понятие *территориальной производственной системы (ТПС)* широким спектром социальных процессов [5] и может использоваться в качестве концептуального базиса в понимании внутрисистемных свойств той или иной ТО.

Формы пространственно-сетевых взаимодействий территориальной социально-экономической системы

Территориальная общность промышленного типа

Согласно М.Д. Шарыгину [29], прообразом территориальных систем, характеризующихся эмерджентностью свойств, синергией, динамизмом и сложной структурой взаимосвязей, был *территориально-производственный комбинат* — локальный (например, проект И.А. Алек-

³ Изучение вопросов социально-экологического характера, в свою очередь, происходит в контексте территориальных общественно-экологических систем (ТОЭС).

сандрова «Днепровский»), районный (например, проект Ангарского бюро «Прибайкальский») и межрайонный (например, проект Общества сибирских инженеров «Урало-Кузнецкий»). Впоследствии термин *комбинат* стал предполагать производственное объединение, в то время как материально-техническую основу социально-экономического района формировал *территориально-производственный комплекс (ТПК)*.

ТПК как индивидуальный элемент ТЭС определялся следующим образом: «...такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [13, с. 138]⁴. М. А. Грищенко [5] отмечает, что концепция *энергопроизводственных циклов (ЭПЦ)*, разрабатываемая Н.Н. Колосовским, положена в основу ТПК. Наиболее полную хронологию развития концепций советской СЭГ представили в своей работе Е.Г. Аминича и М.Д. Шарыгин [1]. С развитием таких концепций, как *экономико-географическое положение (ЭГП)*; см. работы Н.Н. Баранского), *энергопроизводственный цикл (ЭПЦ)*; см. работы Н.Н. Колосовского), *межотраслевой комплекс (МОК)*, *территориальные системы производства, центр и концентр* (см. работы А.Е. Пробста), *ресурсные циклы* (см. работы И.В. Комара), *географические конвейеры* (см. работы К.И. Иванова), *линейно-узловые системы производства* (см. работы П.Я. Бакланова), *поляризованные ландшафты* (см. работы Б.Б. Родомана), именно ТПК долгое время оставалось важнейшим понятием отечественной СЭГ.

Зарубежным аналогом ТПК, действующим в условиях рыночной экономики, служит понятие *промышленного района (industrial district или Marshallian industrial district (MID))*, термин также переводится как *индустриальный дистрикт (ИД)*, дабы не вносить путаницу с аналогичным понятием в отечественных источниках; см.: [26]). Как отмечают зарубежные ученые [70, с. 10], рыночная экономика в данном случае предполагает не столько ценовую конкуренцию, сколько технологическую, в рамках которой компании конкурируют, «производя новые продукты с новыми характеристиками и новыми техническими возможностями»; то есть превалирование «сильной конкуренции» над «слабой конкуренцией» в классификации [74]. А. Маршалл [64] характеризовал ИД как концентрацию производства на определенной территории. Дж. Бекатини предложил следующее определение ИД: «социально-территориальная целостность, которая характеризуется активным присутствием сообщества людей и популяции фирм в одной естественно и исторически отграниченной зоне» [38, с. 39].

⁴ ТПК — это взаимообусловленное (соподчиненное) сочетание производственных предприятий и сельтыбы (населенных мест) либо на ограниченной территории (локальные комплексы), либо на территории экономического района или подрайона. ТПК всегда приложены к определенному сочетанию природных ресурсов или частично привлеченных ресурсов из других районов.

Классические ИД составляют горизонтально интегрированные малые и средние предприятия (МСП) с высокой долей кооперации и трудовой мобильности между конкурирующими фирмами, социальной и культурной общностями, имеющими территориальную *укорененность*, а также вовлечение органов государственной власти в обеспечение сырьем [33; 59; 63]. Идея *укорененности* (*embeddedness* по Грановеттеру, или *rooted in the territory* по Дж. Бекаттини) — взаимозависимость между предприятиями и местным сообществом людей — является ключевой в понимании становления и функционирования ИД [38; 40; 55].

Несмотря на утверждение С. Бруско о том, что ИД «не в состоянии производить эпохальные инновации» [42, с. 196] из-за длительности внедрения новых технологий, недостатка опыта в области финансового управления и «ноу-хау», необходимых для проведения фундаментальных исследований, инновации являются важной характеристикой ИД. Индустриальные дистрикты формируют базу для реализации *инкрементальных*, иначе говоря, *улучшающих инноваций* (*incremental innovation*, или *gradual innovation*, — постепенное улучшение товаров и процессов), через непрерывное обучение в процессе производства (*learning-by-doing*) и пользования (*learning-by-using*), генерируют коллективный инновационный потенциал МСП, используя эффект *децентрализованной промышленной изобретательности* (*decentralized industrial creativity — DIC*) [35–37; 39; 52; 68], что дает «возможность отстоять уже приобретенное [конкурентное] положение» [38, с. 47].

Рассматриваемые формы ТО внесли значительный вклад в понимание «встроенности» хозяйствующих субъектов в социальный контекст. Формируя «индустриальную атмосферу» (*industrial atmosphere*) и «территориальные особенности» (*territorial peculiarities*), сообщества фирм приводят к образованию районов — дистриктов (*districtualization*), целостность и связность которых в значительной степени обусловлена социальной и культурной близостью людей.

Территориальная общность технологического типа

Инновационно-направленным ИД принято считать *технологический район* — *TR* (*technological district*) — тип агломерации, всецело ориентированный на непрерывный процесс технологического обучения (*product based technological learning — PBLT*) и генерации технологических инноваций [73]. Как отмечает К. Антенелли [34, с. 544], подобные районы характеризуются «технологическими экстерналиями и низкими коммуникационными затратами, которые формируют среду, способствующую аккумуляции коллективного знания и приводящую к внедрению технологических инноваций». Важным фактором развития *TR* выступает со-существование и сложная сеть взаимодействий разнообразных и разнородных акторов, крупных компаний и МСП, которые по своей природе генерируют и используют разного рода знания (кодифицированные внутренние и неявные внешние знания — крупные компании, неявные внутренние и кодифицированные внешние — МСП), основываются на различных компетенциях, применяют различ-

ные стратегии развития и имеют разные возможности в реализации НИОКР. В целом, по мнению К. Антенелли [34], существенное отличие *ТР* от *ИД* — именно взаимосвязь крупного бизнеса и МСП, их взаимодополняемость в процессах технологического развития.

Стоит отметить, что понятие *технологический район (ТР)*, как правило, применяется в США (например, Калифорнийский технологический район (Californian technological district)), в то время как аналогичным понятием, сформированным во Франции, принято считать *технополис (technopole, technopolis, technopolitan pole; см.: [44; 48]; технополис, или технологический полюс, стал закономерным преемником концепции полюса роста Ф. Перру)*, первым и наиболее известным из которых стал «София-Антиполис». Большинство *ТР* и / или *технополисов* сформировались исторически, однако в 1990–2000-е гг. их формирование было обусловлено целенаправленной национальной технологической политикой, выраженной в выделении целевого финансирования и создании специальных зон высокотехнологического развития, или, как пишут М. Кастельс и П. Холл, «плановых сообществ технологически и технически связанных областей, смоделированных по принципу гибкой специализации и институциональной коллаборации в сфере НИОКР» [44]. Подобные зоны могут включать *научно-технологические парки (science and technology parks – STPs), научно-исследовательские парки (research parks), инновационные центры (innovation centers, technology / innovation precincts), технологические парки, или технопарки (technological parks), центры компетенций (poles of competitiveness), бизнес-парки (business parks), инкубаторы (business incubator) и другие структуры, деятельность которых направлена на развитие высокотехнологичных компаний, объединяемых технологической близостью (technological proximity).*

Существует два концептуальных подхода в отношении понятия *технополис*. *Первый подход* наиболее близок к понятию *ТР* (а также понятию *региональная технологическая сеть – regional technology network*) и характеризует *технополис* как способ объединения и усиления существующего технологического потенциала определенного региона, стимулируя социально-экономическое развитие и вовлеченность всех стейкхолдеров данной территории в инновационный процесс. Данного подхода придерживается М. И. Хорда, отмечающая, что *технополис* следует воспринимать как «агломерацию инновационной деятельности, структурированную в сети, в которых возникновение кооперативных связей между научными, техническими, образовательными и институциональными агентами, предположительно, повысят технологический и инновационный потенциал региона, тем самым повысив общий уровень региональной конкурентоспособности» [45, с. 144]. Схожую точку зрения высказывает Б. Реверди: *технополис* — это «ограниченный географический район, содержащий определенное количество компетенций, благоприятствующих научно-исследовательской деятельности и передаче и распространению технологий за счет концентрации компаний и организаций НИОКР» [Там же]. То есть во главу угла ставится взаимосвязь акторов на определенной территории, общность и связность (когерентность) которых усиливается за счет взаимодополняемости генерируемого и потребляемого ими технологического знания.

Второй подход более узкий, но в то же время более конкретный в отношении предпринимаемых действий по его обеспечению. Он выражен в институционализации и стандартизации понятия *технополиса* и ориентирован на создание практически в любом среднем и крупном городе материально-технической базы, способной сформировать новый полюс высокотехнологичного развития в рамках определенной специализации. В данном случае, как отмечают М. Каstellis и П. Холл [44], *технополис* представляет собой результат целенаправленных действий по созданию центров для продвижения высокотехнологичной промышленности, чья основная цель состоит в обеспечении ресурсами новой экономики. Примеры успешных и провальных проектов по созданию технополисов во Франции (промышленная научно-технологическая зона в Гренобле и технополис в София-Антиполис) и в Японии (в городах Цукуба и Сендай, регионе Кансай) представлены в работе П. Кука [46]. Тот факт, что политика создания технополисов, как правило, проводится в рамках второго подхода и не затрагивает вопросы содействия формированию сетевых связей, в значительной степени снижает эффективность реализуемых проектов.

Несмотря на то что второй, практико-ориентированный, подход в значительной степени перекликается с британским понятием *научный парк* (*science park*), они имеют ряд существенных отличий. *Научный парк*, как правило, создается «с нуля», *технополис* же может включать несколько научных и / или технологических парков, покрывая гораздо большее пространство, и институтов, уже существовавших на момент его проектирования. В рамках *технополиса* значительную роль играет содействие формированию сетей сотрудничества, помимо обеспечения «резидентов» материально-технической базой. В целом понятия взаимосвязей, коллаборации, обмена технологическими знаниями и компетенциями заложены в основу концепции *технополиса*. В этой связи ключевое значение в объединении стейкхолдеров имеет технологическая и когнитивная близость.

Территориальная общность инновационного типа

Согласно работам А. Мальмберга, О. Совелла, И. Зандера [62], инновационноориентированным *ИД* является *кластер* — «подмножество отраслей экономики, связанных потоками товаров и услуг сильнее, чем те [потоки], связывающие их с другими секторами народного хозяйства... [который в отличие от *ИД*] лишен какой-либо четкой пространственной коннотации» [47, с. 62]. В своей работе, первоначально опубликованной в 1970 г., Э. М. Гувер и Ф. Гиарратани характеризовали *кластер* как предпринимательскую сеть (а не пространственное явление), формирование которой обуславливалось «взаимным притяжением между конкурирующими единицами конкретной деятельности, [которое] перевешивает любые отталкивания, способные возникнуть в результате их соперничества» [57, с. 43]. Позднее М. Портер [69, с. 149–157], связавший понятие *кластера* с региональной конкурентоспособностью, эмпирически доказал, что успешные отрасли экономики, связанные

между собой в *кластер* через вертикальные (покупатель – поставщик) или горизонтальные (общий рынок, технологии, каналы сбыта и поставок и др.) отношения, более эффективны, если географически концентрированы. Таким образом, можно утверждать, что концепцию *кластера* следует трактовать не столько как пространственный феномен промышленного конгломерата, сколько как территориальную (то есть географическую) репрезентацию структуры предпринимательских сетей.

Усиливающееся осознание ниспадающей значимости фактора территориальной близости (*spatial proximity*) в инновационных формах ТЭС привело к росту числа научных исследований факторов катализаторов и ингибиторов инновационно-ориентированных предпринимательских сетей на региональном (мезо-) и национальном (макро-) уровнях. Развитие получили такие концепции, как *обучающийся регион* (*learning region*; см.: [50]), *инновационная (окружающая) среда* (*innovative milieu*; см.: [61]) и *эффекты окружения* (*milieu effects*; см.: [61]), *локальные миры производства знаний* (*local worlds of knowledge production*; см.: [71; 72]), *бизнес-экосистемы* (*business ecosystems*; см.: [65]), *инновационные сообщества* (*innovation communities*; см.: [76]), *инновационные экосистемы* (*innovation ecosystems*; см.: [32]) и др.

Путем реализации инновационной политики региональные и национальные власти стремятся к формированию благоприятной инновационной среды, к созданию *региональной инновационной системы* (*regional innovation system – RIS*), способствующей образованию и укреплению межорганизационных связей в духе идеи построения *сообществ знаний* (*communities of knowledge*; см.: [75]), тесно связанных и обусловленных своим местоположением.

Делимитация территориальной общности посредством анализа ее элементного состава и структурных особенностей

По мнению отечественных экономгеографов [24], можно говорить о силе выраженности характеристик той или иной ТО на фоне других, в первую очередь соседствующих, то есть о модусе территориальной общности. Г.Е. Зборовский [10] и Е.Е. Горяченко [4] предложили классифицировать ТО по следующим признакам: 1) территориальное единство и укорененность (концентрация, обособленность, локализация); 2) социально-экономическая целостность и самодостаточность, однородность условий функционирования; 3) социальная самоидентификация («свой-чужой»), социальная солидарность и общность интересов; 4) сходство хозяйствующих субъектов (комплементарность, схожесть характеристик); 5) наличие основы для взаимовыгодного партнерства, системы взаимодействий, ведения совместной деятельности; 6) существование и принятие общих правил, традиций и норм поведения (в том числе выраженных в элементах самоуправления).

Как отмечалось ранее, «очерчивание» границ ТО на мезо- и макроуровнях производится на основе характеристик гомогенности и коге-

рентности. Идентификация ТО на микроуровне (в пределах отдельной пространственно-сетевой формы взаимодействия) в зарубежной научной практике основана на аналогичном подходе, в котором рассматриваются атрибутивные и транзакционные характеристики. При анализе атрибутивных факторов (то есть сходств, объединяющих субъекты) взаимодействия оказываются зависимым параметром. Когда исследовательский акцент сделан на транзакции, сходства (или атрибуты) используются в качестве объяснения взаимодействий. Транзакционные характеристики включают в себя причины (см.: [67]), факторы (см.: [78]), типологию (см.: [53; 60]) и виды взаимодействий (вовлеченность, кооперация, коллаборация, содействие, сотрудничество, способствование, партнерство, соучастие, связность, взаимозависимость, согласованность, квазиинтеграция и др.). Несмотря на то что факторы сходства и связности являются неразрывными параметрами ТО, один из них всегда будет выступать зависимым элементом (см.: [51]).

Атрибутивные характеристики ТО формируются и определяются на основе общности (иначе – сходстве, близости) свойств субъектов ТО, где территориальное единство – базисный компонент, создающий пространственную основу для формирования и развития в тесном единстве остальных составляющих: социальной, культурной, институциональной, когнитивной, организационной, технологической и др. (см.: [41; 43; 54; 66; 77]). На рисунке 1 представлена совокупная структура атрибутивных характеристик ТО, рассматриваемая на мезо- и микроуровнях.

Рис. 1. Атрибутивные характеристики элементов территориальной общности

На основе выявленных атрибутивных характеристик на рисунке 2 дано описание основных свойств границ различных типов в разрезе промышленного, технологического и инновационного типов территориальных общностей в логике многомерного подхода к выделению их границ.

Типы границ	Тип территориальной общности		
	промышленный	технологический	инновационный
Географическая	четко выраженная в пределах одного региона, очерчивается расположением промышленной инфраструктуры	четко выраженная, локальная, очерчивается расположением научно-технологической инфраструктуры	дисперсная с высокой степенью виртуальности, локально-глобальная
Организационная	формальная (на основе контрактов), отраслевая	формальная (на основе членства), междисциплинарная	неформальная, межорганизационная, межотраслевая
Когнитивная	неявная, определяется сходным уровнем компетенций связанных групп специалистов	неявная, определяется сходным уровнем научно-технологического развития самостоятельных групп ученых и исследователей	неявная, определяется комплементарной базой знаний связанных групп стейкхолдеров
Культурная	негибкая, устойчива во времени, обуславливается региональной бизнес-культурой	устойчивая, обусловлена национальной традицией ведения научной деятельности, институционально детерминирована	подвижная, подвержена сильным флуктуациям во времени, является результатом информента глобальных трендов
Институциональная	превалирование формальной над неформальной, четкая формальная внешняя и размытая внутренняя, устойчива в длительном периоде	превалирование формальной над неформальной, четкая формальная внешняя и размытая внутренняя, устойчива в среднесрочной перспективе	превалирование формальной над неформальной, размытая формальная внешняя, четкая внутренняя, конъюнктурная
Социальная	субъективная, временная	эпизодическая	интуитивная, временная
Технологическая	устойчивая во времени – инертная, четкая, формализованная	четкая, формализованная, детерминирована в рамках единого научно-технологического направления	гибкая, высокая степень подвижности в связи с наличием неформализованной составляющей

Рис. 2. Свойства границ территориальных общностей различных типов

Заключение

Территориальная общность – это сложная открытая система, представляющая собой часть ТСЭС. Конфигурация *ТО* пластична и под влиянием целого комплекса факторов и условий, внешних и внутренних для ТСЭС, может принимать различные формы пространственно-сетевых взаимодействий, локализованных в определенных географических границах, например: территориальный промышленный комплекс, индустриальный дистрикт, научный парк, технополис, кластер, региональная система и т.д. По результатам анализа особенностей различных видов *ТО* во временном контексте их формирования выявлены три основных типа *ТО*: промышленный, технологический и инновационный. Каждый из них объединяет в себе различные формы пространственно-сетевых взаимодействий, общность которых выражена в превалировании одного или нескольких атрибутивных признаков их элементов, имеющих принципиальное значение для определения границы с позиции ее многомерности.

Многомерность границ любой *ТО* обусловлена одновременным единством общностей ее элементов, имеющих различную природу (ин-

ституциональную, когнитивную, организационную и т.д.), но взаимосвязанных в единую систему. Опираясь на фактическое структурное разнообразие связей внутри пространственно-сетевых форм взаимодействия, выделено семь составляющих единой многомерной границы *ТО*, каждая из которых классифицирована как отдельный тип пространственной границы: географическая, организационная, когнитивная, культурная, институциональная, социальная, технологическая.

Для промышленного типа *ТО* характерна зависимость от предшествующего развития, поскольку она основана на сообществах практики, установленной специализации конкретного района, как правило, обусловленной стандартными факторами производства. Первостепенное значение имеет организационная структура сети, будучи как плановой, так и рыночной. Неявные знания, которые могут быть выражены в компетенциях, навыках, опыте, ноу-хау, выступают в качестве источника инкрементальных инноваций, обеспечивая непрерывное совершенствование предлагаемых рынку товаров и услуг. Сильные социальные связи между участвующими сторонами, а также их географическая близость столь же важны для его эффективного функционирования, как и промышленное сырье. Выделение границ этого типа *ТО* потребует всестороннего анализа отраслевой структуры той или иной области и ее исторической специализации, обусловленной геополитическим положением, наличием природных ресурсов и других традиционных факторов экономического развития.

Для технологического типа *ТО* характерна сильная зависимость от кодифицированного, явного знания. Пространственные сети этого типа во многом полагаются на сложные технологические знания, процесс исследований и разработок, предваряемый фундаментальными естественнонаучными и техническими исследованиями. Субъекты, занятые в этой схеме взаимодействия часто включены в совместные проекты НИОКР, представляющие собой коллаборации крупных транснациональных корпораций и МСП, а также государственно-частное партнерство. Технологические инновации требуют современной материально-технической базы, которая обычно принимает форму финансируемых государством инфраструктурных проектов: технопарков, научных парков, центров коллективного пользования и т.д. Эти технологические узлы очерчивают границы исследуемой *ТО*, тогда как патенты, полезные модели и передовые технологии производства характеризуют ключевых игроков *ТО*.

Для инновационного типа *ТО* свойственно сочетание свойств промышленного и технологического типов. Локальная среда столь же важна, она является одним из важнейших факторов «перетока» знаний, стимулирует обмен неявными знаниями через локальные сообщества — «коммунити», обучение через взаимодействия, использование и производство. Знания о том «как», воплощенные в способностях, навыках, компетенциях, и о том «кто», определяемые как информированность о «правильном человеке» для решения текущей проблемы (например, кому предложить идею или решение) — элементы успеха *ТО* иннова-

ционного типа. Подобная логика, выраженная в конгруэнтной базе знаний — когнитивной близости, является преобладающим элементом инновационной экосистемы. Тем не менее в отличие от первых двух типов на инновационное развитие оказывает сильное влияние устойчивый поток экстралокальных знаний в форме диадических связей субъектов локальной сети (например, университетов, МСП, научно-исследовательских подразделений, НКО и т.д.). Это означает, что при выявлении границ *ТО* инновационного типа необходимо учитывать последствия глобализации и транснациональной регионализации, выявляя отдаленных участников *ТО*.

Таким образом, при решении вопроса эквивокальности в идентификации границ пространственно-сетевых форм взаимодействия считаем целесообразным опираться на выделенные типы территориальных общностей и присущие им особенности в формировании пространственной многомерной границы как комплексной характеристики.

Список литературы

1. Анимича Е.Г., Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношения // Географический вестник. 2013. №1(24). С. 4–13.
2. Бакланов П.Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. №3. С. 4–12.
3. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Российской Федерации и Европейского союза / под ред. А.П. Клемешева, В.П. Гутника. Калининград, 2006. С. 392.
4. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999.
5. Грищенко М.А. Территориальная структура хозяйства и территориальная // Вестник СПбГУ. 2012. №7(2). С. 136–143.
6. Доминин А.А. Социальная география особая ветвь географии населения // Теоретические аспекты экономической географии. Л., 1975. С. 57.
7. Еремичева Г.В. Социальное районирование СССР. Планирование социального развития города. М., 1973. С. 100–101.
8. Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. №10. С. 83–92.
9. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М., 2013.
10. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. №4. С. 3–12.
11. Зиман Л.Я. Экономические районы США. М., 1959. С. 541.
12. Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. №6. С. 89–100.
13. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М., 1958. С. 198.
14. Межевич М.Н. Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социологические исследования. 1978. №3. С. 31.

15. *Межевич Н.М.* Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. 2006. №2. С. 3–22.
16. *Петров А.В.* Территориальная общность людей как объект изучения социальной географии // Изв. ВГО. 1983. Т. 115, вып. 1. С. 72–78.
17. *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. С. 519–558.
18. *Стрелецкий Н.В.* Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. №5. С. 3–13.
19. *Тархов С.А.* Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. 2013. №3. С. 9–13.
20. *Ткаченко А.А.* Территориальная общность людей в региональном развитии и управлении. Тверь, 1995. С. 155.
21. *Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д.* Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества // Изв. Русского географического общества. 1993. №5. С. 11–21.
22. *Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д.* Теория организации пространства. Сообщение II. Социально-географическое пространство и территория // Изв. Русского географического общества. 1993. №3. С. 9–17.
23. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмагилов Н.Н.* Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Географический вестник. 2008. №1(7). С. 1–8.
24. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмагилов Н.Н.* Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Географический вестник. 2008. №1(7). С. 5–12.
25. *Туров С.И.* Городской образ жизни: теоретический аспект // Социологические исследования. 1995. №1. С. 131–134.
26. *Федоров Г.М.* Регион как территориальная система // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. №1. С. 20–27.
27. *Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. №2. С. 32–41.
28. *Шарыгин М.Д.* Территориальные общественные системы. Пермь, 2003. С. 94.
29. *Шарыгин М.Д.* Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. №1. С. 4–13.
30. *Шкаратан О.И.* Городская территориальная общность и ее воспроизводство // Этносоциальные проблемы города. М., 1986. С. 1233.
31. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 116.
32. *Adner R.* Match your innovation strategy to your innovation ecosystem // Harvard Business Review. 2006. №84. P. 98–110.
33. *Amin A., Thrift N.* Globalization, institutional 'thickness' and the local economy // Managing Cities: The New Urban Context / ed. by P. Healey, S. Cameron, S. Davoudi [et al.]. Chichester, 1995. P. 92–108.
34. *Antonelli C.* Collective knowledge communication and innovation: the evidence of technological districts // Regional Studies. 2000. №34. P. 535–547.
35. *Asheim B.T.* Industrial districts as 'learning regions': A condition for prosperity // European Planning Studies. 1996. №4. P. 379–400.
36. *Asheim B.T.* Industrial districts, inter-firm co-operation and endogenous technological development: the experience of developed countries // Technological dynamism in industrial districts: An alternative approach to industrialization in developing countries? N. Y. ; Geneva, 1994. P. 91–142.
37. *Becattini G.* The industrial district as a creative milieu // Industrial Change and Regional Development / ed. by G. Benko, M. Dunford. L., 1991. P. 102–114.

38. *Becattini G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // *Industrial Districts and Inter-firm Cooperation in Italy* / ed. by F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger. Geneva, 1990. P. 37–51.
39. *Bellandi M.* Decentralized industrial creativity in dynamic industrial districts // *Technological Dynamism in Industrial Districts: An Alternative Approach to Industrialization in Developing Countries? : Papers and Synthesis of Discussions of a Symposium on Industrial Districts and Technology.* Geneva, 1994. P. 73–87.
40. *Bellandi M.* The industrial district in Marshall // *Small firms and industrial districts in Italy* / ed. by E. Goodman, J. Bamford. L., 1989. P. 136–152.
41. *Boschma R.A.* Proximity and Innovation: A critical assessment // *Regional Studies.* 2005. №39. P. 61–74.
42. *Brusco S.* Small firms and the provision of real services // *Industrial districts and local economic regeneration* / ed. by F. Pyke, W. Sengenberger. Geneva, 1992. P. 177–196.
43. *Caragliu A., Nijkamp P.* Space and knowledge spillovers in European regions: the impact of different forms of proximity on spatial knowledge diffusion // *Journal of Economic Geography.* 2016. №16(3). P. 749–774.
44. *Castells M., Hall P.* Technopoles of the world: The making of 21st century industrial complexes. L., 1994. P. 288.
45. *Chorda I.M.* Towards the maturity stage: An insight into the performance of French technopoles // *Technovation.* 1996. №16(3). P. 143–152.
46. *Cooke P.* From Technopoles to Regional Innovation Systems: The Evolution of Localised Technology Development Policy // *Canadian Journal of Regional Science.* 2001. №24(1). P. 21–40.
47. *Czamanski S., Czamanski D.* Industrial complexes: Their typology, structure and relation to Regional development // *Papers of the Regional Science Association.* 1977. №38. P. 93–111.
48. *Dicken P.* *Global Shift.* L., 1998. P. 496.
49. *Drucker P.* *Post-Capitalist Society.* N.Y., 1993. P. 232.
50. *Florida R.* Towards the learning region. *Futures.* 1995. №27(5). P. 527–536.
51. *Fombrun C.J.* Strategies for network research in organizations // *The Academy of Management Review.* 1982. №7(2). P. 280–291.
52. *Garofoli G.* The Italian model of spatial development in the 1970s and 1980s // *Industrial Change and Regional Development* / ed. by G. Benko, M. Dunford. L., 1991. P. 85–101.
53. *Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T.* The governance of global value chains // *Review of International Political Economy.* 2005. №12(1). P. 78–104.
54. *Gertler M.S.* Being there – proximity, organization, and culture in the development and adoption of advanced manufacturing technologies // *Economic Geography.* 1995. №71(1). P. 1–26.
55. *Granovetter M.* Economic action and social structure: The problem of embeddedness // *American Journal of Sociology.* 1985. №91. P. 481–510.
56. *Hillery G.A.* Definitions of Community: Area of Agreement // *Rural Sociology.* 1955. №20(2). P. 111–123.
57. *Hoover E.M., Giarratani F.* *An Introduction to Regional Economics.* URL: <http://www.tarkas.com.ua/content/eng/libr/hoover.pdf> (дата обращения: 02.02.2015).
58. *Innovation networks and innovative Milieux: A wager for regional development* / ed. by D. Maillat, M. Quévit, L. Senn. Neuchâtel, 1993. P. 392.
59. *Keeble D., Wilkinson F.* Collective Learning and Knowledge Development in the Evolution of Regional Clusters of High Technology SMEs in Europe // *Regional Studies.* 1998. №33(4). P. 295–303.

60. *Locke R.* Remaking the Italian Economy. Ithaca, 1995. P. 232.
61. *Maillat D.* From the industrial district to the innovative milieu: contribution to an analysis of territorialised productive organisations // *Geographische Zeitschrift*. 1998. №86(1). P. 1–15.
62. *Malmberg A., Sölvell Ö., Zander I.* Spatial Clustering, local accumulation of knowledge and firm competitiveness // *Geografiska Annaler*. 1996. №78(2). P. 85–97.
63. *Markusen A.* Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts // *Economic Geography*. 1996. №72(3). P. 293–313.
64. *Marshall A.* Principles of Economics. L., 1952. P. 627.
65. *Moore J.F.* Predators and prey: A new ecology of competition // *Harvard Business Review*. 1993. №71. P. 75–86.
66. *Nooteboom B.* Innovation, learning and industrial organization // *Cambridge Journal of Economics*. 1999. №23. P. 127–150.
67. *Parrilli M.D.* The Competitiveness of Clusters in Globalized Markets: Implications for Regional Development. L., 2016. P. 142.
68. *Plore M., Sabel C.* The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N. Y., 1984. P. 355.
69. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. N. Y., 1990. P. 875.
70. *Smith K.* New directions in research and technology policy: Identifying the key issues. The STEP Group, Studies in technology, innovation and economic policy, 1994. URL: <http://www.step.no/reports/Y1994/0194.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
71. *Storper M.* The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. N. Y. ; L., 1997.
72. *Storper M., Salais R.* Worlds of Production: The Action Frameworks of the Economy. Cambridge, 1997.
73. *Storper M., Scott A.J.* Pathways to Industrialization and Regional Development. L., 1992.
74. *Storper M., Walker R.* The capitalist imperative. Territory, technology, and industrial growth. N. Y., 1989.
75. *Tallman S., Jenkins M., Henry N., Pinch S.* Knowledge, Clusters, and Competitive Advantage // *The Academy of Management Review*. 2004. №29(2). P. 258–271.
76. *Wang P.* Advancing the Study of Innovation and Globalization in Organizations // Conference on Advancing the Study of Innovation and Globalization in Organizations. Nuremberg, 2009. P. 301–314.
77. *Westermarck K.* Proximity and learning in internationalisation Small Swedish IT firms in India. Stockholm, 2013. P. 204.
78. *Yeung H.W.C.* Situating regional development in the competitive dynamics of global production networks: an East Asian perspective // *Regional Studies*. 2009. №43. P. 325–351.

Об авторе

Андрей Сергеевич Михайлов – заместитель директора Проектного офиса, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

About author

Andrey Mikhaylov, deputy director of the Project office, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com